

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ИРАНЕ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1979 г.

А. Ш. МГОЯН

Иран — многонациональное государство, где наряду с персами живут национальные меньшинства, составляющие приблизительно половину населения этой средневосточной страны. Курдский народ, являющийся одним из национальных меньшинств Ирана, составляет по приблизительным оценочным данным 6 млн. человек¹ и населяет в основном северо-западные провинции — Курдистан, Западный Азербайджан. В этих провинциях курды представляют большинство населения. Живут они также и в некоторых других областях.

В Иране, как и в других странах региона, населяемых курдами, существует курдская проблема. Проблема, уходящая своими корнями в историю развития иранского общества, являясь своего рода барометром подъемов и спадов национально-освободительного движения как иранского народа против империалистической политики Запада и шахского режима вообще, так и курдского в его борьбе против правящих режимов отдельных государств в частности.

Идея политического, экономического, культурного самоопределения курдского народа всегда волновала курдов. Не раз в Иранском Курдистане вспыхивали восстания. Но каждый раз, в силу определенных причин, эти восстания не достигали своих целей, подавлялись и в очередной раз шахиншахский режим прибегал к террору и репрессиям в восставших курдских районах.

В начале 70-х годов в Иранском Курдистане наблюдался спад политической активности курдского населения. Тому содействовал ряд внутренних и внешних факторов, главными из которых являлись: военно-полицейский режим, установленный в Курдистане, проведение реформ в сельском хозяйстве, строительство ряда промышленных предприятий (все это в рамках «белой революции»), появление печатных изданий, газет, журналов на курдском языке, курдские радиопередачи и, что немаловажно, отсутствие партий и организаций на политической арене.

Что касается внешнеполитических причин, то здесь немаловажную роль сыграли ирано-иракские отношения и, конкретно, алжирское соглашение 1975 года между шахом и Саддамом Хусейном. Соглашение, к которому пришли руководители Ирана и Ирака при посредничестве Саудовской Аравии, предусматривало отказ от поддержки Ираном вооруженных действий иракских курдов во главе с М. Барзани против Ирака в обмен на прекращение арабской помощи иранским арабам Хузестана и на пограничные территориальные уточнения. В очередной раз курдская карта была размытана в политике двух ближневосточных стран в ущерб курдскому национально-освободительному движению. Это было при шахе. Любопытно, что этой же линии впоследствии стал придерживаться лидер иранской революции аятолла Хомейни. Если

¹ Курдское движение в новое и новейшее время, М., 1987, с. 3.

провести параллель между стратегическим курсом и тактическими методами политики шахиншахских властей и режимом Хомейни по отношению к курдской проблеме, то можно найти определенную преемственность, схожесть. И тот и другой последовательно строили свою политику по принципу «цель оправдывает средства», используя политические уловки попеременно с грубой военной силой.

Иранская антимонархическая революция вызвала избыточный импульс политической активности иранского общества. Революционное движение, начавшееся в основном в крупных городах, распространилось на периферийные области и районы страны. В революционный поток влились новые силы в лице многочисленных национальных меньшинств, населяющих страну. В Иранском Курдистане проходили антишахские демонстрации, митинги, которые зачастую превращались в открытые столкновения с полицией и жандармерией. Правительство установило в Курдистане полувоенный режим, были арестованы многие участники волнений. Это еще более накалило обстановку. Газета «Вашингтон пост» отмечала, что антиправительственные выступления в Курдистане заставили здешние власти занять оборонительную позицию. Волнения охватили почти все крупные города Иранского Курдистана: Сенендедж, Керманшах, Мехабад, Резайе и др. Аятолла Рухолла Хомейни, будучи в изгнании, во Франции, приветствовал антишахские выступления курдов.

В августе 1978 г. правительство пошло на некоторые уступки с целью умерить волну антимонархических выступлений, прокатившихся по стране. В частности, было объявлено о легализации политических партий. На политической арене страны появились как общеиранские партии, так и национальные (ДПИК, Комала и т. д.). Многие члены Демократической партии Иранского Курдистана стали возвращаться из-за границы (генеральный секретарь ДПИК А. Касемлу), другие были освобождены в ходе революционных событий из тюрем (Азиз Юсефи, Ганин Блурпан — заместитель генерального секретаря ЦК ДПИК, пробывший в тюрьме почти 25 лет). За несколько месяцев конца 1978 и 1979 гг. ДПИК пополнила и укрепила свои ряды и стала самой массовой и популярной в Курдистане, руководя борьбой против шахского правления. И, если в начале антимонархических выступлений курдского населения были популярны общеиранские лозунги — «долой динистию Пехлеви», «смерть шаху» и др., т. е. они имели антишахскую направленность, то в дальнейшем движение под руководством ДПИК и других курдских демократических организаций стало носить более национальную окраску. Одним из основных лозунгов стал «демократия — Ирану, автономия — Курдистану», лозунг, провозглашенный еще во времена Мехабадской республики. Иранская революция свершилась. Был свергнут один из реакционных режимов в регионе, шедший в форватере политики США на Ближнем и Среднем Востоке. После февральского вооруженного восстания, до которого в стране существовало фактически двоевластие, власть полностью перешла в руки иранского духовенства во главе с аятоллой Хомейни, который 1 апреля 1979 года провозгласил о создании нового государства — Исламской Республики Иран — государства, основанного на принципах ислама.

Официальная политика шиитского руководства Ирана в отношении идеи самоуправления национальных меньшинств и конкретно автономии курдов исходит и представляется с позиций, принципов, законов ислама, которые предполагают равноправие всех членов «уммы» — мусульманской общины, независимо от этнической, расовой принадлеж-

ности. «Ислам осуждает любые виды дискриминации и не дает привилегий ни одному мусульманскому народу», — говорил Хомейни². (Кстати, в дополнениях, принятых в шахской конституции 1977 г., законом также запрещается расовая дискриминация и пропаганда).

Отрицание самобытности курдского народа, его существования как отдельной этнической единицы в Иране традиционно во внутривнутриполитическом курсе правящих режимов этой страны. Мохаммед Реза Пехлеви, проводя политику «иранизации» национальных меньшинств и народностей, неоднократно заявлял, что они (курды—М. А.) по языку и расе являются коренными и чистыми иранцами.

Объективное понятие «иранский народ» в государственном смысле толковалось паниранистами как «единая иранская нация» в виде «этнической общности» с ее культурой, обычаями, религией. В идеологии теократического режима эта концепция не претерпела особых изменений. Здесь преобладает «исламский фактор». «Разве ислам устанавливает границы между персами и турками, курдами, лурами, арабами?», — говорил ходжатоуль эслам Тебризи приехавший в шиитский святой центр Кум на празднование так называемой «недели мусульманского единства»³. В различных официальных заявлениях, документах признавалось наличие в Иране только религиозных меньшинств. Курдов же зачастую квалифицировали как «группу племен».

Твердя о мусульманском единстве и равенстве, провозглашая достижение истинной исламской справедливости в общественно-политической, экономической, духовной жизни, богословы, стоящие у руля государства, попустительствовали, а иногда и искусственно разжигали межнациональную и религиозную рознь среди народов Ирана. Демагогические заявления новых иранских руководителей, таких, как министр труда и социального обеспечения Дариуша Форухара (курда по национальности), что «исламская республика способна предоставить индивидуальные и социальные свободы шиитам, суннитам и этническим меньшинствам»⁴, не отражали действительного положения дел. На этнорелигиозной почве произошли столкновения между азербайджанцами-шиитами и курдами-суннитами в городе Резайе. В апреле 1979 г. в гор. Негаде открытие представительства ДПИК, на котором присутствовало несколько десятков тысяч курдов, было сорвано пулеметным обстрелом мирных демонстрантов, в результате чего 5 человек было убито, 50 ранено⁵. События, при явном попустительстве и бездеятельности местных властей, переросли в настоящую бойню курдов, устроенную азербайджанским и туркменским населением⁶. Кровавую драму продолжили правительственные войска и отряды «революционных комитетов», введенные в город, переодетые, по свидетельству очевидцев, в курдскую национальную одежду. В ходе жестокой резни, когда не щадили ни женщин, ни детей, было убито несколько сотен курдов. Войска сожгли несколько деревень и заняли город Мехабад. Иранская армия и комитеты Хомейни установили террор на территории Курдистана, говорил представитель ДПИК во Франции Кендал Незан⁷. Более того,

² Этелаат, 19.11.1979.

³ Цит. по Е. А. Дорошенко, Эволюция исламских концепций в официальной идеологии Ирана 1963—1983 гг. (см. Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока, М., 1986).

⁴ Financial Times, 3. 05. 1979.

⁵ Le Monde, 22. 04. 1979.

⁶ Financial Times, 3. 05. 1979.

⁷ Times of India, 13. 05. 1979.

исламский режим подогревал разногласия между курдским суннитским большинством и шиитским меньшинством. Если подавляющее большинство курдов-суннитов (составляющих более 75% курдов мусульман) поддерживает идею национальной автономии, то, справедливости ради, надо отметить, что на начальном этапе развития автономистского движения курдов среди курдов-шиитов была популярна «исламская» точка зрения в данном вопросе. «Исламокая» точка зрения в понимании новых руководителей подразумевала большее, чем при прежнем режиме, уделение внимания экономическим нуждам национальных меньшинств.

Этнорелигиозная тактика властей имела ясную цель — внести раскол как в движение национальных меньшинств Ирана за свои права, так и среди курдского национально-демократического движения.

Совершенно очевидно, что неприятие исламским режимом идеи национальной автономии курдов диктуется не только и не столько религиозными, пакиранистскими мотивами. В основе этого лежат политические соображения. В свое время шах приписывал курдскому национально-освободительному движению сепаратистские тенденции, подогреваемые иностранной агентурой, стремящейся, по его словам, «захватить северо-западные районы Ирана». С несколько видоизмененной позицией выступает новое клерикальное руководство ИРИ, считающее, что предоставление национальной автономии курдам (а в дальнейшем, по всей вероятности, и другим национальным меньшинствам) приведет к распаду многонационального Ирана.

К началу февраля 1979 года обстановка в Иранском Курдистане сложилась следующим образом: были разгромлены штаб-квартиры САВАК, заняты полицейские участки, захвачены военные гарнизоны в гг. Сенендедже, Мехабате, Сердеште и др., где в руки курдов перешло большое количество оружия и боеприпасов⁴. В большинстве городов Курдистана курды, пользуясь ослаблением центральной власти и февральским вооруженным восстанием, захватили власть в свои руки. Были созданы органы самоуправления в виде революционных комитетов, куда вошли наиболее активные участники антишахских революционных выступлений. В состав ревкомов входили представители различных социальных слоев курдского населения, политических партий и организаций, священнослужители. К примеру, предводителем курдов в гор. Мехабате был местный городской молла шейх Эзеддин Хосейни, пользующийся большим авторитетом среди курдского населения города и близлежащих деревень.

Национально-демократическое, антишахское движение в Иранском Курдистане к этому времени приняло четко автономистскую направленность. Демократическая партия Иранского Курдистана обнародовала один из своих первых документов, в котором была отражена позиция партии по вопросу права курдского народа на самоопределение. Документ, датированный 28 марта 1979 года, был послан ЦК ДПИК аятолле Хомейни. В обращении отмечалось, что курды вместе с другими народами Ирана приняли активное участие в свержении «демонического и коррумпированного режима шаха, во имя свободы и процветания иранского народа». «Наш народ, — говорится в нем, — боролся во имя двух следующих целей: свержение диктатуры и смена ее гуманной властью, которая предоставит свободу и широкие права иранскому народу, а также право народов на автономию или федерацию в рамках единого

⁴ Monde diplomatique, septembre 1980.

свободного Ирана»⁹. Интересны предложения ДПИК о формах самоопределения малых народов, населяющих Иран. «Если бы курдский народ был бы единственным национальным меньшинством, то здесь наиболее приемлемым вариантом была бы автономия. Многочисленность же народов и народностей предполагает объединение их в федерацию в рамках единого Ирана»¹⁰. Обращение содержит в себе позицию партии в вопросе автономии Иранского Курдистана. «Автономный Курдистан» будет включать в себя территории, большинство населения которых составляют курды. Здесь нужно принять во внимание исторические, географические и экономические факторы, характеризующие данные территории. Органы «Автономного Курдистана» должны иметь право решения внутренних дел. «Внутренние дела подразумевают политические, экономические, культурные вопросы. Если армия остается в компетенции центрального правительства, то полиция и жандармерия автономной области остаются в ведении местных властей. Народная ассамблея (парламент) избирается населением автономного Курдистана всеобщим, прямым, тайным голосованием. Исполнительные органы назначаются народной ассамблей»¹¹.

В ведении же центрального правительства, по мнению ДПИК, будут следующие вопросы: 1) внешняя политика, под которой подразумеваются политические, коммерческие, финансовые отношения с внешним миром; 2) оборона страны; 3) банковские операции; 4) проекты и планы экономического характера, имеющие общегосударственное значение.

Это обращение — одно из многочисленных документов, отражающих точку зрения прогрессивных слоев курдского народа и, конкретно ДПИК, по вопросу «Автономного Курдистана». Основные его положения в дальнейшем более конкретизировались, несколько видоизменились, но в целом и целом требования национально-патриотических сил Курдистана остались прежними.

ДПИК проводилась определенная работа по установлению контактов с демократическими движениями национальных меньшинств Ирана. В Хоремшехр поехали несколько членов партии с целью договориться о создании какого-либо союза с арабами¹². Результатом поездки было установление связей с партией «Тахрир». Такие же делегации были посланы в провинции Иранского Туркменистана, Белуджистана, Систана.

Позиции национально-патриотических сил Курдистана в вопросе о демократическом развитии иранской революции и, в частности, праве национальных меньшинств на самоопределение во многом совпадали с политическим курсом, проводимым такими общеиранскими партиями и организациями, как НДФИ Матина Дафтари, моджахеддинов, партизан-федаинов народа Ирана, НПИ и др. К примеру, организация федаинов народа Ирана в середине февраля распространила заявление о своей программе-минимум, которую должно выполнить временное революционное правительство: «... — обеспечение и признание культуры и национальной свободы всех народностей Ирана. Ликвидация всякой дискриминации. Они (национальные меньшинства — М. А.) должны сами избирать свой специфический образ жизни. В свободном демократическом Иране народ должен быть свободным и исповедовать свою соб-

⁹ Monde diplomatique, 19. 07. 79.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Financial Times, 14. 07. 1979.

ственную религию, свободно говорить на своем языке и иметь свою культуру». В своем первом манифесте созданная в марте Республиканская федералистская партия народов Ирана высказывается за установление иранской федеральной республики на основе автономных национальных правительств, а также независимости и единства Ирана. В нем говорится, что Республиканская федералистская партия выступает за соблюдение всех свобод, за защиту национальных меньшинств, равноправие женщин и мужчин.

Реакция правящего теократического режима на требования курдов о предоставлении автономии была однозначна. 24 февраля 1979 г. специальный представитель правительства Амир Энтезам сообщил на пресс-конференции, что курды, проживающие вдоль турецкой и иракской границ, просили предоставить им автономию. «Но, — добавил он, — между просьбой и предоставлением — огромная разница». В ответ на стремление курдов решить вопрос автономии мирным путем переговоров с властями исламский режим стал проводить более жесткий курс. В различных районах Иранского Курдистана в феврале—марте месяцах начались локальные вооруженные стычки между отрядами ДПИК, Комала, федаинов, с одной стороны, и регулярными войсками — с другой. Курдские вооруженные отряды не безуспешно противостояли правительственным войскам и отрядам «исламских комитетов, превосходящих как в военной технике, так и численностью. Особенно ожесточенно велись бои в городе Сенендедже, где повстанцы захватили аэродром, радиостанцию, телевизионный ретранслятор и т. д. Ситуацию в регионе накаляли провокационные действия бывших монархистов: таких, как бывший генерал шахской армии Азизулла Палпзбан, сотрудничавший с феодалами, столь же враждебно относящимися к новой власти, как и к курдскому автономистскому движению»¹³. С иракской территории действовал бывший шахский начальник штаба вооруженных сил генерал Овейсп, основавший там радиостанцию, вещавшую на курдском и персидском языках и призывающую свергнуть «ненавистных мулл».

Правящий режим ИРИ, обеспокоенный массовыми выступлениями среди национальных меньшинств, особенно курдов, предпринял определенные шаги по нормализации обстановки. В феврале Иранский Курдистан посетила делегация, посланная аятоллой Хомейни, во главе с Мохаммедом Мокри (курдом по национальности — М. А.). После переговоров с курдской стороной, возглавляемой шейхом Эззеддином Хосейни, Мокри заявил, что курдам Ирана следует предоставить право преподавания в школах на двух языках, свободу национальной культуры и обычая, и, что задачу охраны порядка и закона в курдских районах вполне можно временно возложить на местное население. Добавив, при этом, что прежде всего следует исходить из сохранения независимости и территориальной целостности страны. Представители Хомейни выслушали требования курдских лидеров и заявили, что некоторые из них могут быть удовлетворены немедленно, а остальные должны обсуждаться в новом парламенте. К примеру, после незначительного инцидента в гарнизоне города Мехабата командиром части был назначен полковник Разпуш-курд, чья кандидатура предложена генштабом. Делегация Мокри была в Курдистане одновременно с делегацией правительства во главе с министром Д. Форухаром.

¹³ Le Monde, 14. 08. 1979.

Во второй половине марта северо-западные провинции Ирана превратились в арену боевых действий между вооруженными отрядами ДПИК Комала (при поддержке «федайнов», «пешмерга», иракского Патриотического союза Курдистана) и правительственными войсками. В Курдистан была направлена делегация во главе с аятоллой Теггани и министром внутренних дел Али Джавади, при посредничестве которой было достигнуто соглашение о прекращении огня обеими сторонами. Восставшие пошли на этот шаг только после предварительного обещания аятоллы Теггани о возможности предоставления автономии курдам. Результатом миссии официальных представителей Теграна стали: решение об избрании местного органа самоуправления — городского совета Сенендеджа, назначение губернатором этого города курда по национальности. 25 марта 1979 г. было принято коммюнике, в котором говорилось, что недавние кровавые события в Сенендедже были инспирированы «контрреволюционными элементами» в лице бывших «шахских приспешников». Однако этот заговор благодаря принятым аятоллой Хомейни мерам не получил дальнейшего распространения и был ликвидирован. Иранская революция, подчеркивается в коммюнике, гарантирует: участие курдов в разработке иранской конституции, которая обеспечит права всех народов страны, в том числе курдов; право курдов на собственную культуру и использование курдского языка наравне с персидским; право выборов органов местного управления; использование курдским населением экономического потенциала своих районов для повышения благосостояния народа; участие в определении общей политики государства и принятии решений по вопросам, определяющим судьбу страны; ношение национальной одежды и соблюдение национальных традиций; уделение центральным правительством внимания в своих программах беднейшим слоям населения.

Серия переговоров, проведенных различными представителями правящих кругов Ирана в Курдистане, была, скорее, акцией вынужденной, чем желанием властей продолжить курс дальнейшей демократизации иранского общества, и представляла собой, на наш взгляд, камуфляжный способ оттянуть время и притупить остроту проблемы ввиду нестабильности обстановки во всей стране, а также по соображениям сохранения исламской верхушкой власти в своих руках.

Решение проблемы национального самоопределения малых народов Ирана рассматривалось лишь через призму социально-экономических мер. «Самоопределение — когда хотите. Но автономии — никогда». Это слова Хомейни, произнесенные им на встрече с представителями одного из национальных меньшинств¹⁴. Под «самоопределением», как уже отмечалось выше, имеется в виду уделение внимания центральными властями социально-экономическим нуждам отсталых национальных окраин. Идея же полноправной политической, экономической, культурной автономии национальных меньшинств и, конкретно, курдов не соответствовала планам режима.

К концу лета 1979 года в Иранский Курдистан были введены части регулярных войск и отряды «стражей исламской революции», которых аятолла Хомейни призвал полностью очистить Курдистан от «курдов-безбожников». С этого времени по сей день идет настоящая война национально-патриотических сил Иранского Курдистана с исламским режимом ИРИ.

¹⁴ С. Л. Агаев, Иран: рождение республики, М., 1984, с. 99.

Обобщая сказанное, можно сделать некоторые выводы. Теократический режим Ирана не только не сделал сколь-нибудь значительных шагов на пути решения курдского вопроса, но и, судя по всему, не был способен решить этот вопрос, ибо в основе его политики и идеологии лежал «исламский фактор», который в Иране (подобно Турции, Ираку, Сирии) традиционно использовался для отрицания национальных прав курдского народа. Опыт исламской революции в Иране показал, что ни в какой области преемственность политики так ярко не проявлялась, как в национальном вопросе. Здесь, очевидно, важнейшую роль сыграла не только исламская трактовка национального вопроса, но и тот факт, что по расчетам теократического режима какая-либо форма признания национальных прав курдов может привести к цепной реакции, которая приведет к расчленению государства, в котором правящий этнос составляет примерно 50% населения.

Несмотря на жесточайшие репрессивные меры против курдских национально-патриотических сил, курдский вопрос продолжает играть значительную роль в политическом климате страны. Можно ожидать, что в Иране, с его комплексом нерешенных политических, социально-экономических, национальных проблем, курдский вопрос будет играть значительную роль в разворачивании тех политических процессов, которые, очевидно, будут разворачиваться, особенно после окончания ирано-иракской войны и ухода Хомейни с политической арены.

Движение курдов Ирана за автономию — наиболее демократическое и боевое. На данном этапе оно является наиболее реальной оппозицией исламскому режиму. Поэтому правящий режим оценивает это движение как самое опасное и неприемлемое.

ՔՐԴԱԿԱՆ ՀԱՐՑԸ ԻՐԱՆՈՒՄ 1979 թ. ՀԵՂԱՓՈԽԱԿԱՆ
ԻՐԱԴԱՐՁՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԺԱՄԱՆԱԿ

Ա. Շ. ՄՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Քրդական ազգային պրոբլեմը վաղուց ի վեր էական դեր է խաղում Մերձավոր և Միջին արևելքի այն երկրների քաղաքական կյանքում, որտեղ զանգվածաբար ապրում են քրդերը: Դա ի հայտ եկավ նաև Իրանի՝ 1979 թ. հեղափոխական իրադարձությունների ժամանակ: Ազգային և սոցիալական ճնշման ենթարկվող քրդական զանգվածները ակտիվ մասնակցություն ունեցան շահական ռեժիմի դեմ սկսված ժողովրդական հեղափոխական շարժմանը:

Միապետական ռեժիմը տապալվեց, սակայն քրդական ազգային դեմոկրատական ուժերի ակնկալիքները չիրականացան: Իրանում հաստատված իսլամական ռեժիմը ազգային հարցում ըստ էության շարունակեց ճնշված ժողովուրդների և ազգային փոքրամասնությունների իրավունքները ոտնահարման քաղաքականությունը: Թեոկրատիկ ռեժիմի այս քաղաքականության հիմքում ընկած է այսպես կոչված իսլամիզմի գաղափարը, ըստ որի «ումմայի»՝ իսլամական համայնքի բոլոր անդամների իրավահավասարությունը հրամցվում է որպես ազգային էթնիկական իրավահավասարություն: Այս քաղաքականությունը ի վերջո հասցրեց քրդական ազգային դեմոկրատական ուժերի և թեոկրատիկ ռեժիմի առճակատմանը, իսկ հետո զինված պայքարի, որի ընթացքում Խոմեյնու ռեժիմը ավելի դաժան մեթոդներ կիրառեց քրդական ազգային դեմոկրատական շարժումը արմատախիլ անելու համար:

THE KURDISH QUESTION DURING THE REVOLUTIONARY EVENTS
IN IRAN IN 1979

MHOYAN A. SH.

S u m m a r y

The Kurdish national problem has since long been playing a considerable part in the political life of the Near East and Middle East countries, where Kurds live in large numbers. That appeared also during the 1979 Iranian revolutionary events. The nationally and socially oppressed Kurdish masses took an active part in the popular revolutionary movement started against the shah's regime.

The monarchical regime was overthrown, but the expectations of the Kurdish national democratic forces did not materialize. That policy eventually brought about a confrontation of the Kurdish national democratic forces with the theocratic regime, and later an armed fight, during which the regime of Homeini used more cruel methods in order to eradicate the Kurdish national democratic movement.